

ИССЕРЗОН ЛАЗАРЬ МАТУСОВИЧ

Когда началась Великая Отечественная, отец отправился на фронт в первый же день, 22 июня. Подразделение, куда он был зачислен, формировалось под Винницей. И в один из дней он сумел прибежать домой и сообщить, что Винницу сдают, приказал уезжать. Как потом мне мама рассказывала, многие не знали, что немцы евреев моментально уничтожают, равно как коммунистов и представителей власти. Кто-то даже считал, что немцы – нация культурная. Мама покинуть город не хотела, но отец настоял, и на следующий день нас с трудом запихнули в последний вагон последнего поезда из Винницы... Хотя мне и шёл всего третий год, но этот момент я помню: отец с товарищем сумел провести нас к вагонам, которые были оцеплены. Проводница последней теплушки хотела кого-то выпустить, открыла дверь, тогда меня затолкали внутрь, а следом маму, сестру, бабушку и нашу няню, Ксению. Куда мы едем, никто не знал. За время эвакуации побывали в Туле, немножко пожили в Воронеже. Потом перебрались в Уфу, где оказались в коммунальной квартире с большой общей кухней, в центре которой – дровяная печь, в которой готовили. С питанием было плохо. Мама устраивалась на любую работу, где платили деньги. В конце концов мы оказались в городе Фрунзе, столице Киргизии.

Отец со своей частью попал под Полтаву, там получил тяжёлую контузию, его из армии полностью «списали». У меня есть документ, заверенный нотариально, что красноармеец М.Л. Иссерзон в связи с ранением таким-то уволен из армии и снят с воинского учёта. Повалился по госпиталям и в 42-м году каким-то чудом нашёл нас во Фрунзе. Здесь устроился на работу.

Я потом спрашивал маму, как отец опять попал на фронт. Причина, скорее всего, такая. До нас стали доходить сведения, что немцы, войдя в Винницу, первым делом прошли танками по еврейскому кладбищу, потом учинили погромы. Видимо, отец из желания отомстить врагам, провожая друга в армию, ушёл вместе с ним. Случилось это в конце весны 42-го года. Нам стали приходить от него письма, некоторые из них сохранилось. Последнее отправил в конце декабря. А потом перестал писать и отвечать. И – всё...

Жили мы холодно и голодно. Радовались куску хлеба, похлёбке из картофельных очисток. Мама работала на махорочной фабрике, с этого времени и курить стала. Бабушка почти не работала, занималась домом, нами, детьми. Помню, как с мальчишками обрывали «калачики» - это такие плоды, которые появлялись у какой-то травы на месте цветков, мы их ели, хотя после такой «еды» животы болели. Крапиву собирали, чтобы сварить нечто подобное щам. Вот сейчас говорю, и возникло чувство голода. Организм до сих пор это состояние помнит. Местные жили, конечно, получше. Но они молодцы – эвакуированным помогали. Люди в беде сплотились. К нам приходили, помогали - кто одежду приносил, кто-то кормил нас, детей. В коммунальной квартире жили дружно.

Помню, как похоронки приходили. В квартире становилось тихо. А нам ничего не пришло... О судьбе отца мы ничего не знали.

Когда немцев в 1944 году из Винницы выгнали, мы поехали туда. Квартира, в которой мы жили, оказалась занятой. Нас поселили в доме 17 Б по улице Володарского. Тоже коммуналка, семей на восемь. Большой двор, вокруг – мазанки.

... Мы с мальчишками гуляли, как вдруг в нашем просторном дворе возник шум. Прибежали туда и видим соседей, все радостные, обнимаются, кричат «Победа, победа!» Стихийно побежали на улицу Ленина, она была главной в Виннице, и мама со мной тоже. А там уже полно народу. Люди поют песни, военных качают на руках... В этой толпе я потерялся. Меня повели с собой какие-то люди, накормили, потом пошли со мной искать маму. Нашли, конечно.

А ещё помню, как летом 45-го, или даже 46-го, из катакомб выкурили и провели по Виннице украинских националистов. Именно они оказались самыми яркими помощниками фашистов, показывали немцам, где живут евреи, советские и партийные работники, активисты, даже сами убивали кого-то из них. Когда же Красная Армия в 44-м году подошла к городу, они укрылись в катакомбах. Помню, что старшие пацаны прибежали во двор, кричат, что по главной улице ведут бандеровцев. Мы все – туда. Видим - к железнодорожному вокзалу в оцеплении идёт человек 50. И жители плюют в них, бросают в них камни, палки...

ЮМ